

Глубоко вдохнув, я собрала все свое самообладание, готовясь к тому, что ждет меня впереди. Моя "мать" притянула к себе корзину с нитками, пристально глядя на меня.

"Эти нити, лежащие в этой корзине, лишены всякой цели. Они неиспользованные и незапятнанные, готовые принять любую форму, которую пожелает их владелица", - произнесла она, почти машинально перебирая пальцами красную и белую нити, переплетая их друг с другом. Их цвета закружились в вихре, и мне стоило больших усилий сдержать подступающую ярость.

Конечно, мятная. Мои дни были слишком спокойными, и теперь я понимаю, что этот проклятый автор просто выжидал, предвкушая, как я впаду в самодовольство, прежде чем обрушить на меня еще один удар. Я не могу не гадать, что же меня ждет на этот раз. Будет ли это новая физическая боль? Психологический удар? Императрица спокойно, слишком спокойно, смотрит на меня, и я чувствую себя выбитой из колеи. Катя обладает такой мощной харизмой, неудивительно, что она была настоящей бедой для Клары.

"Но иногда, - мягко произнесла она, растягивая слова, - совершаются ошибки. Вместо зеленой вы используете красную нить, оставляя кровавое пятно на иначе спокойной картине. И тогда ваша вышивка испорчена и должна быть выброшена. Так происходит, когда вы не следите за тем, куда направляется ваша игла".

Императрица Катя выжидающе посмотрела на меня, как будто ожидая ответа, и я слабо кивнула.

"Что ты думаешь, Зима? Думаешь ли ты, что хорошо следила за своей иглой?" Её выражение лица было мягким и покорным, как у матери, отчитывающей непослушного ребенка. Я не знаю, когда и как этот разговор о вышивке превратился в наставление.

Её краткое упоминание о крови, пересекающей спокойную картину, также послало по моему позвоночнику новую дрожь. Неужели она хочет сказать, что собирается убить или искалечить меня? Эта женщина, кажется, исподтишка порицает меня за то, что я вторглась в ее жизнь. Ну, мне жаль, Катя, я хочу закричать, я тоже не хочу здесь находиться!

"Ты не следила, - она проигнорировала мой кивок. - Нет, Зима, ты не следила. Но не волнуйся. Мать научит тебя и всех, кто пытается сбить тебя с пути".

Едва я успела осмыслить слова императрицы, как распахнулись ранее охраняемые двери, с громким грохотом. Сначала я увидела ноги в мелькании, затем платье служанки, которое выглядело достаточно маленьким, чтобы подойти мне, и, наконец, испуганное лицо Эммы, полностью заполнившее мое поле зрения.

Эмма? Она должна быть сейчас на занятиях с сэром Робби, а не здесь, с моей мачехой! Моей служанке стоит отдать должное - она не издала ни звука, сосредоточив всю свою энергию на бесплодных попытках вырваться из крепкой хватки двух бесстрастных служанок, сжимающих ее тощие руки. Но я не настолько свирепая и храбрая, как Эмма, и невольно выдаю тихое восклицание: "Что за черт?"

Увидеть мою подругу, мою названую сестру, внезапно ставшую моей слабостью, почва, кажется, ушла у меня из-под ног. Сколько раз бесчисленных раз я читала о подобных сценариях? Годы, проведенные в моей постели под старым, но уютным одеялом с Винни-Пухом, перелистывая страницы с мрачным выражением лица, мысленно отчитывая главного героя за глупость, достаточную, чтобы иметь друга или любовника, борясь за выживание в трудных условиях. Но теперь я понимаю. Почему я не могу быть эгоистичной? Почему я не могу думать

о себе и сделать мое пребывание в этой Империи немного легче? Ответ смотрит прямо на меня, её черные глаза больше не спокойны, а полны паники.

Я чувствую такой стыд. Я такая же, как те девушки из школы, которых я всегда презирала, сблизившись с Эммой, чтобы она могла выполнять некоторые мои поручения. И теперь моя глупость замешана и в ее участь. Я знала, что за мной наблюдала императрица, знала, что у нее есть глаза в Розовом Дворце. Мои зубы вонзаются в мясистую плоть губы, почти выступает кровь, острая боль возвращает меня к настоящему. Теперь я испытываю только раскаяние и страх, чувство вины накатывает на меня в такт с моим бешено бьющимся сердцем.

Я медленно реагирую на появление Эммы, давая императрице много времени, чтобы впитать мои многочисленные реакции.

"З-Зачем она здесь?" - спрашиваю я глупо. Я уже знаю причину. Но мне нужно, чтобы эта женщина подтвердила это.

Катя улыбается мне сверху, ее белоснежные зубы подмигивают в лучах послеполуденного солнца.

Её слова звучат сочувственно и озабоченно, когда она берет на себя роли судьи, присяжных и палача судьбы Эммы. "Вместо того, чтобы быть достойной подругой-ровесницей и сопровождать вас с куклами, эта служанка подтолкнула свою госпожу к неподобающим привычкам. Она побуждала ее продавать свою одежду, как какую-то бездомную, и украдкой встречаться с мужчинами в неурочное время. Она вымогает у своей госпожи мелкие деньги. Такая служанка не подходит, чтобы оставаться рядом со своей госпожой".

"Погодите, это не так", - громко перебиваю я, возмущенная тем, как императрица взваливает на мою бедную подругу все эти обвинения. Ее обвинение - все равно что указать на черное и назвать его белым. И откуда она узнала, что мы продавали лишние платья, которые она прислала? Знает ли она, на что я тратила полученные от этого деньги?

Охваченная ужасом, я стою и беспомощно наблюдаю, как невинного человека ведут на верную смерть. Как могла Эмма оказаться в такой беде, а я ни чем не могу ей помочь? Неужели я стал настолько эгоистичным?

"Ты не знала?" - с притворным сочувствием произносит императрица, и, если бы я не был знаком с её истинной натурой, я бы поверил. "О, дорогая Зима, ты действительно не знала? Это еще хуже. Кора, принеси улики."

Одна из близких личных служанок императрицы, часто упоминавшаяся в истории как хладнокровный исполнитель с тайными боевыми навыками, приближается, держа знакомый шелковый мешочек. Это тот самый мешок с деньгами, который я впервые дал Эмме, теперь набитый свежими добавлениями.

"Нет, нет!" - торопливо объясняю я. "Я отдал ей все эти деньги. Она ничего не крала. И все, что вы сказали, я приказал ей сделать!"

Моя речь торопливая и торопливая, напряженная ситуация берет свое. Но в глазах императрицы появляется понимающий блеск после моих последних слов.

Она печально вздыхает, ее пышные ресницы опускаются к земле, и ее глаза наполняются печалью. "Как ужасно, что эта служанка так жестоко обращается со своей госпожой. Вымогательство - это кража, завернутая в красивую упаковку. Такая молодая девушка, без

поддержки матери так долго, конечно, попала бы под чары такой коварной ведьмы."

"Она моя подруга!" - отважно кричу я, вскакивая со стула, забыв о своем страхе. Но мой страх возвращается в полной мере, когда Катя смотрит на меня, и в ее лесных глазах я не могу различить эмоции. Эмма, которую двумя служанками поставили на колени, посылает мне благодарный взгляд. Но она никогда не кричит и не кричит, ее лицо снова приняло привычную холодную маску, которую она носит. Можно подумать, что это я стою на коленях перед правительницей Эрудианской империи.

"Подруга?" - спрашивает Катя, и в ее голосе впервые проскальзывает оттенок злобы. "Те, кто служат тебе, не твои друзья. Те, кто не из твоего круга, не имеют права находиться на одном с тобой уровне."

Я закрываю глаза, когда пинаю мягкий меховой ковер. Моя мачеха никогда не упускает возможности тонко уколоть меня каждым предложением.

"Напомни мне, Линетт. Какое наказание ждет воров?"

"Ваше величество, за первое преступление воров лишают одной руки. За второй - обе руки. А за третий", - мои глаза сужаются, когда я ясно слышу восторг в голосе личной служанки, - "смерть".

Катя цокает языком, глядя на Эмму, как на букашку под ее ногами.

"Начинайте. Шаг за шагом. Наказывайте ее за каждое преступление".

"Вы не можете этого сделать!" - кричу я в панике, бегая вокруг дивана, чтобы добраться до Эммы. Но служанки, стоявшие у двери, двигаются быстрее моего маленького тельца, преграждая мне путь, и я могу видеть Эмму только через узкую щель между их черными юбками.

"Эмма!" - кричу я, срываясь на фальцет.

Это явно незаконно и неправильно. Но равнодушно наблюдают за происходящим все лакеи Кати, когда в комнату вносят тонкую деревянную скамью, которой я никогда раньше не видел. Два придворных с шевронами Восходящего дворца несут ее, и у одного из них на боку висит короткий меч в ножнах.

Скамью кладут прямо перед моей кроватью. Если бы я сидел на ней, это было бы похоже на просмотр телешоу. Проведение жестокого наказания в моей комнате, словно это тюремная камера или подземелье, ясно показывает, что императрица пытается травмировать меня на всю жизнь.

Я отчаянно борюсь с служанками, но я всего лишь ребенок против двух взрослых. Одним движением мизинца они могут остановить меня. Их руки не так нежны, когда они отталкивают меня все дальше от Эммы.

"Не делайте этого! Остановитесь! Вы не можете!" - мой пищащий голос почти неразборчив, когда я беспомощно наблюдаю, как мужчины тащат Эмму к скамье. Она больше не сопротивляется, смирившись со своей судьбой. Они отрежут ей каждую руку, а затем убьют. И она всего лишь ребенок! Это неправильно, просто морально неприемлемо!

Высокий мужчина толкает Эмму на колени, другой расправляет ее ладонь на скамье. Я

замечаю множество порезов и углублений на скамье, она явно уже хорошо использовалась в прошлом.

"Нет! Эмма, беги! Эмма, мне так жаль! П-просто уходи! Это все равно моя вина", - рыдаю я, по моему лицу текут толстые слезы, мешая голосу. Я не понимаю, как она может просто сидеть там и терпеливо ждать своей участи. Она сильна и быстра для своего возраста, если бы она попыталась, возможно, она могла бы сбежать. Но куда бы она тогда пошла?

Моя краткая надежда снова разбивается вдребезги. Лучше меня Эмма понимает, что больше ничего не может сделать. Императрица тоже терпеливо ждет, устроившись на сиденье, чтобы посмотреть на представление. Темная, ужасная ненависть, та, что перехватывает дыхание, наполняет мое сердце. Я сужаю глаза на эту блондинку и хочу причинить ей такую же боль, какую она собирается причинить мне.

Но я ничего не могу сделать. Я проиграл этот раунд. Когда придворный обнажает оружие и поднимает его высоко над головой, я больше всего на свете желаю, чтобы появился герой и остановил его. Чтобы стрела влетела в окно и попала в запястье этого придворного, прежде чем он ударит.

Я закоренелый ребенок, душой и сердцем. Родившись в бедных обстоятельствах, на протяжении всей жизни я никогда не был тем, кто сдается, атакуя все препятствия с дерзким отношением и энергией. Как иначе ребенок-стипендиат, как я, оказался в престижном университете? Когда я впервые попал в этот мир, хоть и боялся, но маленькая часть меня всегда верила, что сможет изменить свои обстоятельства. Что каким-то образом остановлю императрицу и обрету достойную жизнь в этом мире.

Но я не могу победить. Так что я не буду.

"Не навредите ей!" - произношу я слабым и дрожащим голосом.

Я смотрю на императрицу, мои влажные глаза всё ещё различают слабую, подобную Моне Лизе, улыбку, которую она часто носит. Она больше подходит для посещения оперы, чем для наблюдения за убийством ребенка-горничной. Взмах серебра через воздух замирает, как будто чувствуя перемену во мне, когда я бросаю свою последнюю и единственную карту.

"Навредите мне. Пожалуйста."

<http://tl.rulate.ru/book/30200/3809540>